

ПОВЕСТЬ О НАСТОЯЩЕМ

Пьеса в шести эпизодах.

Действуют:

Борис, военный корреспондент газеты «Правда».**Ольга**, машинистка.Эпизод первый.*1946 год, февраль. Нюрнберг.**Комната Ольги. Стучит печатная машинка, позванивает её каретка. Борис просматривает листы рукописи, вчитываясь то в одну строку, то в другую.***Борис** (*читает*): «Звёзды ещё сверкали... Ещё сверкали остро и холодно, небо на востоке уже стало светлеть. Деревья понемногу выступали из тьмы...»**Ольга**. Вы сегодня ужинали?**Борис**. Что, простите?**Ольга**. Я перепечатаю. Ещё раз перепечатаю.**Борис**. Там, на второй строчке...*Ольга передаёт ему карандаш. Борис что-то подчёркивает в рукописи, начинает быстро писать, ломает грифель. Ольга направляет в машинку новый лист.***Ольга**. Диктуйте, потом я впечатаю в страницу.**Борис** (*комкает лист черновика*): Хочется лирики. Какой из меня писатель!**Ольга**. Просто вы устали. Может быть, чай? Или кофе?**Борис**. Вы мой ангел-хранитель!**Ольга**. Всё шутите?**Борис**. То ли я простыл, то ли нет. В школе мы как делали? Покупали в аптеке йод и пипетку, на кусочек сахара капали йодом, пока не пропитается, обычно капель шесть-семь, съедали этот сахар и топали в медицинский кабинет за освобождением по причине простуды. Кашель надо было изобразить. Естественно, градусник надо было нагреть, чтобы температура была. Можно было грифель карандашный съесть.**Ольга**. И вы тоже?**Борис**. Представьте себе!**Ольга**. Лирика у вас вполне... Вы стихи пишете?**Борис**. Стихи у Пушкина, у Маяковского. Который час?**Ольга**. Вы читайте, читайте.**Борис**. Я с собой заберу, завтра вычитаю. Найду время и вычитаю завтра. Уже сегодня. Двадцать минут второго.**Ольга**. Вчера ты ушёл... Вчера вы ушли в пятом... Ничего не было. Ничего не было! Ничего!.. Я тебе совсем не нравлюсь?

Александр Игнашов «Повесть о настоящем»

Борис. Вы простите меня.

Ольга. Думаешь, мне это интересно? Повесть у тебя никакая.

Борис. Ты прости.

Ольга. Ты!.. Ты меня ни разу по имени не назвал. И на ты сорвался только сейчас...
Тебе сколько лет?

Борис. Тридцать семь.

Ольга. Тридцать сколько?.. А я вот... А мне, как ты думаешь, сколько?.. До войны я другая была. Мальчишки у нас во дворе и мужики так радовались, что война! Мы фашистов этих за пару недель в хвост и в гриву!.. И я радовалась. А потом на фронт один за другим. Маму я похоронила, сердце у неё большое было, доброе сердце... У тебя жена блондинка? Брюнетка?

Борис. Устала?

Ольга. Раньше я чуть что – в слёзы. У тебя одеколон хороший. Про повесть я со зла сказала. Пиши, диктуй. Никогда я не печатала ничего такого. *(Пауза.)* Хочешь, я тебе почитаю? На слух по-другому воспринимается... Ты спишь, что ли?

Борис. Кто? Я?..

Ольга. У меня кофе хороший, крепкий.

Борис. Не берёт меня кофе. Тишина в ушах звенит. Лягу ночью – звенит!

Ольга. Я не про любовь, нет. Нежности хотела. Лёшку ты мне моего напомнил. Глаза у тебя, как у него... Вот его я любила! Подойти боялась, обнять его и в мыслях не было, а любила!..

Пауза. Борис просматривает рукопись.

Борис *(читает)*: «Вдруг по вершинам прошёл сильный свежий ветер. Лес сразу ожил, зашумел полнозвучно и звонко. Шёпотом перекликнулись между собой столетние сосны...» *(Ольге)*: К чему это? Может, сразу к герою?

Ольга *(с улыбкой)*: Вы, товарищ писатель, определитесь, что там у вас к чему, чтобы я сто раз не перепечатывала!

Борис. Я не писатель – журналист.

Ольга. Разве я – машинистка?

Борис. Я думал, вы москвичка.

Ольга. Жизнь научит многому. Ничего вы обо мне не думали. У вас жена и моральные принципы. А у меня только принципы. А я влюбчивая! Влюбляюсь часто, быстро и на всю жизнь.

Борис. И много у вас жизней?

Ольга. Знаете, много! В детстве я была шептунья! Да и сейчас, кажется... А вы не такой. Ни разу меня по имени не назвал. *(Борис достал пачку папирос, раскрыл её.)* Вы надёжный, верный.

Борис. Ты же знаешь...

Ольга. Что я знаю?

Борис. Ни ты, ни я себе не принадлежим.

Ольга. Товарищ писатель, берите свою рукопись. И до завтра!..

Перемена освещения. Шорох аудиозаписи, негромкое насвистывание. Вдали на экране – кинохроника Нюрнбергского процесса, фотографии Германа Геринга.

Голос Геринга. Это говорю я, рейхсмаршал Геринг! Вы записываете? Куда говорить, чтобы звук был более чётким? Я давно хотел сказать, пишете... Кажется, в сорок четвёртом году, да, в сорок четвёртом, мне предложили понаблюдать в одной из тюрем гестапо за приговорённым к смерти. Все его слова, все вздохи и выдохи тоже писались на магнитофон. А он был тих и спокоен, лишь иногда насвистывал мотивчик... Вас интересует мой психологический портрет? Вы слышите меня? Я знаю, слышите! Это говорю я – рейхсмаршал Геринг!..

Эпизод второй.

Ольга заправляет в машинку очередной лист, печатает.

Борис (*диктует*): Со времён средневековья в Нюрнберге существует поверье: верёвка повешенного приносит счастье. Этот американец, сержант, говорят, сам вызвался быть висельником. Джон Вуд, невысокий парень с массивным лицом, мясистым носом и тройным подбородком позирует перед фотографами с кусками верёвки. В Нюрнберге он знаменитость!..» (*Пауза.*) У нас во дворе один мальчишка кошку повесил. Мне тогда лет шесть было, на всю жизнь запомнил. А тут люди!..

Ольга. Разве они люди? Что писал товарищ Сталин? (*Цитирует*): «Враги бывают разные. Есть классовые враги, которые не мирятся с советской властью и добиваются её свержения во что бы то ни стало. Есть и такие враги...»

Борис. Не помню.

Ольга. Вы же коммунист!.. Я всё перепечатала. В следующий раз черновик пишете разборчиво.

Борис. Этот сержант верёвки режет, как колбасу, кусками и продаёт: «Не желаете ли кусочек счастья? Есть очень длинные». Верёвка повешенного приносит счастье?

Ольга (*напевает после паузы*):

Vor der Kaserne,
Vor dem großen Tor
Stand eine Laterne
Und steht sie noch davor.
So woll'n wir uns da wieder seh'n
Bei der Laterne wollen wir steh'n
Wie einst Lili Marleen.
Wie einst Lili Marleen.

Борис. Три сотни корреспондентов, фотографов, кинооператоров. Когда-то в этом городе жил Фридрих по прозвищу Барбаросса, мечтавший завоевать мир. Его очень уважал Адольф Гитлер...

Ольга (*напевает*):

Unsere beide Schatten
Sah'n wie einer aus.
Daß wir so lieb uns hatten,
Das sah man gleich daraus.
Und alle Leute soll'n es seh'n,
Wenn wir bei der Laterne steh'n.
Wie einst Lili Marleen.

Wie einst Lili Marleen.

У американцев здесь два развлечения – кока-кола и Марлен Дитрих, кинодива собственной персоной. Видели её?

Борис. Вы хорошо поёте.

Ольга. А вы хорошо слушаете!.. Вы знакомы с Эренбургом? (*Борис кивает – да.*) А с Фединым? Здесь много знакомых лиц.

Борис. И с Леонидом Леоновым, и с Кукрыниксами. В Нюрнберге кто-то когда-то смастерил первые в мире карманные часы, а писатель Вассерман написал в этом городе сказку о мальчике, который вырос без людей и погиб, когда вернулся к ним.

Ольга. Как называется эта сказка?

Борис подходит к ней, смотрит в глаза, трогает её волосы. Она опускает голову ему на плечо.

Борис. Говорят, ещё за месяц до начала процесса англичане, устанавливая микрофон в камере Геринга, нашли там американскую прослушку. Скандал замяли. Теперь их спецслужбы работают параллельно.

Ольга. Вы это к чему?

Борис. Все мы здесь словно под микроскопом.

Перемена освещения. Шорох аудиозаписи. На экране – кинохроника, фотографии Рудольфа Гесса.

Голос Гесса. Кому нужны разговоры о том, что настоящий Гесс до сих пор сидит в английской тюрьме, а я – лишь его двойник? Кому нужны эти допросы, показания свидетелей? Я – Рудольф Гесс, член НСДАП, номер партийного билета – шестнадцать. Заместитель фюрера по партии, рейхсминистр без портфеля, рейхсляйтер, обергруппенфюрер СС, обергруппенфюрер СА... Почему я должен доказывать, что я – Рудольф Гесс? Почему я должен всё помнить? А я не помню! (*Кричит.*) Не помню! Не помню! У меня расстройство памяти и психики!.. Рейхсмаршал Геринг демонстративно не узнает меня. (*Кричит.*) Что дальше? Что дальше?.. Можете проверить: у настоящего Гесса на левом лёгком шрам от ранения, полученного в 1917 году! Можете разрезать меня! Или сделать рентген!..

Эпизод третий.

Борис сидит на стуле. Ольга вбегает в комнату с кастрюлей в руках.

Ольга. Я же говорила – несколько минут, и пожалуйста! Мой фирменный суп!.. (*Замечает, что Борис уснул.*) Товарищ писатель! Борис Николаевич! Боря!.. Спишь?.. Вой волков и крики сов, не тревожьте детских снов!..

Ольга ставит кастрюлю на стол рядом с печатной машинкой. Пауза.

Ольга. Я вчера в город ходила. Знаю, что нельзя в одиночку. Во всех барах американцы повесили объявления: «Немцам вход воспрещён». Раньше здесь звучало Александр Игнашов «Повесть о настоящем»

радио Геббельса, теперь шарманки времён кайзера Вильгельма. *(Напевает):* «Моё дитя, ты не свихнись, где больше спятивших – туда стремись...» На каждом углу чем-то торгуют калеки в мундирах вермахта, американские солдаты предлагают пенициллин. Поверженный, голодный, опозоренный город... За что они нас ненавидят? Разве мы виноваты в этой войне?.. Американцы сгоняют немцев в кинозал на документальный фильм о концлагерях – крики, ругань! По приказу Эйзенхауэра немцы получают продуктовые карточки, только если предъявят использованный билет в кино. А на экране раскопанные рвы с гниющими трупами. Немцы твердят, что ничего не знали об этом. Кругом крики, истерики!..

Перемена освещения. На экране – кинохроника, фотографии Рудольфа Гесса. Шорох аудиозаписи.

Голос Гесса. Фюрер! Мой фюрер! Адольф!.. Вместе мы мечтали о великой Германии, вместе писали «Майн кампф»!.. В мае сорок первого я улетел к англичанам. Зачем? Только я знаю, зачем. Неплохая была идея предложить англичанам подписать с Германией мирный договор! Франция повержена. Впереди война с русскими. Фюрер выиграет её, он убеждён. Великобритания должна стать нашим союзником... Герцог Гамильтон и Черчилль даже не встретились со мной! Пять с лишним лет я просидел в лондонской тюрьме. Сейчас я в другой тюрьме. Я не воевал против русских, не воевал. Меня не расстреляют и не повесят. Сколько я просижу за решёткой? Всю жизнь?.. Хотите, чтобы я говорил? Или молчал? Я – Рудольф Гесс, член НСДАП, номер партийного билета – шестнадцать...

Перемена освещения. Борис и Ольга едят суп.

Ольга. А ты говорил!

Борис. Нет, правда, вкусно! Гораздо вкуснее!

Ольга. Из кастрюли – самое то!

Борис. А как же накрыть стол? Вилочки, ложечки, тарелочки!..

Ольга. И салфеткой подтереть кому-то усы?

Борис. Мне усы не идут.

Ольга. А борода?

Борис. Как у Льва Толстого? Я же военный!

Ольга. На всю жизнь?

Борис. Военный? Не знаю. А ты?

Ольга. Мы перешли на ты?.. *(Пауза.)* После войны как жить?

Борис. Мы весь хлеб съели?

Ольга. Как жить?

Борис. Я стану толстым, солидным писателем.

Ольга. Не знаешь?

Борис. Как-то мы жили до войны.

Ольга. Жили!..

Борис. Я, кажется, объелся.

Ольга. Вся моя война – работа с документами. Тексты, переводы, перепечатки. Зрение упало. Никак к очкам не привыкну – и голова болит, и нос чешется. Нет, серьёзно!.. Кажется, у англичан есть поговорка: «Бойся быка спереди, лошадь сзади, а американца – со всех сторон».

Александр Игнашов «Повесть о настоящем»

Борис. Ты это к чему?

Ольга. Второй день по всему городу американские газеты: «Сенсация! В Нюрнберге убит Герман Геринг!» Или – «Советский прокурор стреляет в Геринга!»

Борис. Бред сивой кобылы! Американцы всеми силами хотят отвлечь внимание от того, что происходит на процессе. Видела их лица, когда Роман Андреевич Руденко просил суд приобщить к делу письменные показания фельдмаршала Паулюса?

Ольга. Бывший заместитель начальника генштаба, один из тех, кто разрабатывал план нападения на Советский Союз.

Борис. С чем сравнить чтение этих показаний! Звон колоколов, трёхдневный траур. Германия простилась с героем, погибшим под Сталинградом вместе с трёхсоттысячной армией. Теперь герой воскрес и даёт показания как свидетель, а должен сидеть на скамье подсудимых.

Ольга. Нюрнберг. Первые фашистские парады, партийные съезды. Здесь эта гадина родилась, здесь ей и вынесут приговор!..

Пауза.

Ольга. Сто лет не была в Москве! Как она теперь?.. Ты, когда заснул, что-то бормотал о девочках. Жена? Мама?..

Борис. И совсем маленькая дочка.

Ольга. Одним всё, другим ничего. Извини.

Борис. У меня сын надувает губы так же, как ты.

Ольга. Ещё и сын! Нет, я не в этом смысле...

Борис. Я смотрю в зал, на судей, сидящих за продолговатым столом, на советский, английский, американский, французский флаги, на две скамьи подсудимых, словно дубовый загон для скота, и в синеватом свете зала вижу Волгу. Зима! Ветер! Тринадцатая гвардейская дивизия, командный пункт. Родимцев, несколько офицеров его штаба и я встречаем новый, 1943 год. Холод страшный! Ветер, его здесь зовут «сиверко», с воем несёт по льду Волги снег, встряхивая дверь блиндажа. На длинном, сколоченном из горбыля столе между жестяными кружками лежат плитки шоколада. Ветер доносит звук перестрелки. До передовой рукой подать. Мы сидим у стола. Зеленоватая светящаяся стрелка часов, снятых со сбитого самолета, медленно, очень медленно ползёт к двенадцати. «Выпьем за то, чтобы поскорее их всех тут в Сталинграде раздавить!» – предлагает Родимцев. «Сталинград – дело решённое, – хрипит контуженный подполковник. – И чтобы всех этих Гитлеров, Герингов – к стенке!..» Зеленоватые стрелки сомкнулись на самом верху циферблата. Молча пьём разбавленный спирт, закусываем шоколадом. В тишине слышно, как завывает на реке ветер. Тишина на фронте – это страшно, это перед бурей...

Ольга. Я помню свой первый день в Нюрнберге.

Борис. И я помню! Помню, как в ложе прессы рядом со мной сидела блондинка, скучала, жевала жвачку, что-то спросила у меня по-английски. Я говорю: «I do not speak English». А вечером в баре увидел её в роскошном платье. Марлен Дитрих. Так вот где я её видел – в кино! А ещё я запомнил, как в гостинице, в бывшей конторе карандашной фабрики, в нашей пятиместной комнатке, мой друг Крушинский извинялся, что храпит во сне. Я завернулся в одеяло. Крушинский вынес свою пишущую машинку в коридор, и я заснул под её перестук. Мой первый день в Нюрнберге. Не о чем было писать в первой корреспонденции... Извини, я, кажется, перебил тебя... *(Пауза.)* Сегодня на заседании трибунала помощник главного американского обвинителя читал документы о судьбе Александр Игнашов «Повесть о настоящем»

миллионов людей, насильственно угнанных в Германию из оккупированных стран. Миллионы людей! А я вспомнил, как в августе сорок третьего, в освобождённом Харькове встретил женщину. Ей было девятнадцать, а с виду все пятьдесят. Волосы седые, лицо в морщинах, как у старухи, одна щека всё время дёргается. Дрожащим голосом она рассказывала, как эсэсовцы схватили её на улице во время облавы, как бросили в товарный вагон, десять дней везли в этом вагоне неизвестно куда. На рынке в одном из городков Восточной Пруссии, женщин выстроили в ряды, и гроссбауеры, прогуливаясь, щупали их мускулы, запускали пальцы в рот – нет ли цинги, вдруг шатаются зубы. А дальше – работа на полях, надсмотрщики с хлыстами, ночью жидкое варево из брюквы. Сколько раз её насиловали, она не помнила. Помнила, как засунула руку в шестерню соломорезки и раздробила три пальца. Управляющий не поверил в случайность, её передали в гестапо.

Ольга. Хватит! Замолчи!..

Борис. С некоторых пор я всё чаще думаю вслух... На чём мы остановились?

Ольга. Твой сын надувает губы так же, как я. *(Пауза.)* Слышишь?

Борис. Музыка? Джаз?

Ольга. Снег идёт, слышишь?

Борис. Не такой как в Москве, крупный, мягкий, пушистый.

Ольга. Рождественский! Чудо как хорошо сейчас в парке! И всё-таки, джаз!.. *(Напевает и пританцовывает.)*

Борис. Американцы гоняют свои пластинки с утра до ночи, с ночи до утра! Так же под джаз я вдруг вспомнил про этого лётчика. Сам не знаю, почему...

Ольга подходит к нему. Они танцуют, звучит джаз.

Ольга. Я люблю потушить свет и стоять у окна.

Борис. И ты тоже?.. Вечером иду по улицам Нюрнберга...

Ольга. Ты не волнуйся, ты допишешь.

Борис. И то здесь, то там этот джаз...

Ольга. Ты вчера перепутал бумаги. Я печатаю, читаю твой черновик, вижу, а там не то. *(Цитирует):* «Немецкое понимание расового превосходств вытекает из психологических предпосылок: страха, презрения к безродным, инстинкта самосохранения». Хорошая у меня память? *(Цитирует):* «Не было германской расы, но существовала германская нация. Не было арийской расы, но существовали арийские языки...» Зачем ты это писал? Это же пропаганда нацизма! *(Остановились в танце.)* Дальше что?

Борис. Как иначе передать суть их взглядов?

Ольга. Не знаю, напиши в двух словах о расовой доктрине.

Борис. В двух словах?

Ольга. Идея о господствующей расе стара, как мир. И точка!..

Борис. Ты так думаешь?

Ольга. Кому какое дело до того, что мы думаем! Товарищ Сталин в своём выступлении на заседании...

Борис. При чём здесь товарищ Сталин?

Ольга. Товарищ Сталин всегда при чём!

Борис. У тебя такие глаза!

Ольга. Какие?

Борис. Не такие, как у товарища Сталина.

Ольга. Вы с ума сошли?..

Александр Игнашов «Повесть о настоящем»

Она отошла от него. Напряжённая пауза.

Борис. Спасибо за танец.

Ольга (*цитирует*): «Рихард Вагнер считал, что еврей говорит на языке той нации, в которой обитает из поколения в поколение, но всегда говорит как чужестранец».

Борис. У тебя хорошая память.

Ольга. Так что там Вагнер?

Борис. Композитор Рихард Вагнер полагал, что героический дух германца занесён вместе с нордической кровью, а нордическая раса – лучшая из арийских. Стало быть, низшие культуры не могут господствовать над высшим сочетанием разума, духа и тела. Каждый народ обладает собственным духом. У германского народа он сверхсилён. Судьба нации зависит от способности сохранять свою расовую чистоту.

Пауза.

Ольга. Так он Маресьев или Мересьев, твой лётчик?

Борис. Я тогда его фамилию толком не записал.

Ольга. Диктуешь то так, то этак. Думаешь, он жив?

Борис. На Орловско-Курской дуге, на аэродроме один раз поговорил с ним, записал в тетрадь... Всю войну эту тетрадь таскал с собой... И только здесь понял, что смогу написать о нём книгу, что буду писать... «Календарь полётов третьей эскадрильи», она и сейчас со мной, эта тетрадь... У меня есть его фотография, старая, потёртая.

Ольга. У самолёта?

Борис. В день нашей встречи... Одна заметка в неделю для газеты – разве это норма? Времени у меня вагон! Крушинский стучит на машинке до ночи, пишет роман о словацком восстании. Мой новый знакомый Даниил Краминов пишет книгу о втором фронте. Чем я хуже?

Ольга. Значит, «Повесть о настоящем человеке»?

Борис. Сначала думал назвать «Повесть о настоящем». О самом настоящем! О человеке, о войне, о силе духа! Потом понял, что пафос тут ни при чём. Взял бумагу, решительно вывел на первом листе название. И остановился. Что дальше? Очерк? Или действительно повесть? А может, роман?..

Ольга. Повесть о настоящем!..

Борис. В тот вечер не написал ни строчки, бродил из угла в угол мимо стола и отчаянно белой бумаги.

Ольга. Спасибо тебе.

Борис. Что?

Ольга. Спасибо тебе!

Борис. За что?

Ольга. Я поначалу боялась. Предлагает встречаться вечерами, диктовать какую-то повесть!

Борис. Доложила обо мне куда следует?

Ольга. А ты как думаешь?

Эпизод четвёртый.

Александр Игнашов «Повесть о настоящем»

Борис печатает двумя пальцами. Ольга подходит к нему, вынимает лист из машинки, убирает его в сторону, перекладывает несколько листов копировальной бумагой, вкладывает их в машинку. Борис печатает.

Ольга (*читает напечатанное*): «Находясь в обычном состоянии...» Диктуйте, писатель!

Они меняются местами: он диктует, она печатает.

Борис (*диктует*): В обычном состоянии равнодушного оцепенения... Алексей услышал комиссарский бас...

Ольга (*печатает*): Комиссарский бас...

Борис (*диктует*): «Лёша, глянь: тут о тебе написано».

Ольга (*печатает*): О тебе написано...

Борис (*диктует*): Степан Иванович нёс Мересьеву журнал. Небольшая статья была подчёркнута карандашом.

Ольга (*печатает*): Карандашом...

Борис (*диктует*): Алексей пробежал глазами отмеченное и не встретил своей фамилии. Это была статейка о русских лётчиках времён Первой мировой войны. Со страницы журнала глядело на Алексея незнакомое лицо молодого офицера с маленькими усиками, с белой кокардой на пилотке, надвинутой на самое ухо. «Читай. Читай, прямо для тебя», – настаивал Комиссар. Мересьев прочёл. Статья о русском военном лётчике, поручике Валерьяне Аркадьевиче Карповиче. Летая над вражескими позициями, поручик Карпович был ранен в ногу немецкой разрывной пулей. С раздробленной ногой он сумел на своем «фармане» перетянуть через линию фронта и сесть у своих. Ступню ему отняли, но молодой офицер не пожелал увольняться из армии. Изобрёл протез собственной конструкции. Долго и упорно занимался гимнастикой, тренировался и к концу войны вернулся в армию... (*Ольге*): Вы успеваете за мной?

Ольга (*печатает*): Да-да, конечно... И к концу войны вернулся в армию.

Борис (*диктует*): Мересьев прочёл эту заметку раз, другой, третий. Напряженно, но, в общем, лихо улыбался со снимка молодой худощавый поручик с усталым волевым лицом. Вся палата безмолвно наблюдала за Алексеем. Он взъерошил волосы, нащупал рукой на тумбочке карандаш и аккуратно обвел статью. (*Пауза. Ольга допечатывает фразу.*) «Прочёл? – хитровато спросил Комиссар. – Ну, что скажешь?» – «У него не было только ступни». – «Ты же советский человек!» – «Он летал на «фармане». Разве это самолёт? Этажерка. На нём чего не летать?..»

Ольга допечатала. Пауза.

Ольга. Советский человек!.. А этот поручик...

Борис. Валерьян Карпович? Летал. Погиб в катастрофе.

Пауза.

Ольга. Пишем дальше?

Борис. Как думаешь, нормально? Тогда давай так... (*Диктует*): На ночь Алексей сунул журнал под подушку, сунул и вспомнил, что в детстве, забираясь на ночь на полати, Александр Игнашов «Повесть о настоящем»

где спал с братьями, клал он так под подушку уродливого корноухого медведя, сшитого ему матерью из старой плюшевой кофты. Он засмеялся этому своему воспоминанию, засмеялся на всю палату. *(Ольге)*: Успеваешь?

Ольга *(печатает)*: Засмеялся на всю палату...

Борис *(диктует)*: Ночью он не сомкнул глаз. Тяжёлым сном забылась палата. Скрипя пружинами, вертелся на койке Гвоздев. С присвистом, так, что казалось, рвутся у него внутренности, храпел Степан Иванович. Изредка поворачиваясь, тихо, сквозь зубы постанывал Комиссар. Но Алексей ничего не слышал. Он то и дело доставал журнал и при свете ночника смотрел на улыбающееся лицо поручика. «Тебе было трудно, но ты всё-таки сумел, – думал он. – Мне вдесятеро труднее, но вот увидишь, я тоже не отстану».

Ольга печатает. Перемена освещения. Шорох аудиозаписи. На экране – кинохроника, фотографии Рудольфа Гесса.

Голос Гесса. Я – Рудольф Гесс, член НСДАП, номер партийного билета – шестнадцать. Я никогда не признаю себя виновным! Если я и виновен, то перед Богом. Да, перед Богом! Только перед Богом!.. Фюрер, фюрер! Только и разговоров, что о фюрере! Что вы вообще знаете о нём? «Майн кампф»? Да ни один БОРИС, ни один издатель не имел права даже интересоваться биографией фюрера! Муссолини трепал о себе на каждом углу, но не фюрер. А сейчас мне суют бумаги и говорят: «Пишите! Пишите всё, что знаете о фюрере». Он был вегетарианец? Он много пил? В чём причина его аскетизма? А отвращение к табаку? А вспышки гнева? А его вечная бессонница? А женщины?.. Женщины умеют слушать и восхищаться. Самая сладкая аудитория! Только с ними и можно развивать сумасбродные идеи. Ева Браун! Какие у неё были ноги! Мила, сдержанна, даже застенчива. Когда мы ещё только боролись за власть, она уже была его подругой... Я не верю, что у Евы от фюрера было двое детей! Болтовня!.. А какие фотографии делала Ева! У неё был божий дар...

Эпизод пятый.

Борис листает американскую газету. Ольга допечатала лист, сложила несколько листов один к одному, посмотрела на Бориса. Они синхронно встали, сошлись. Она передала ему рукопись, он ей – газету.

Ольга. Что скажете?

Борис. Красиво! Люблю печатный текст.

Ольга. Что нового в американских газетах?

Борис. I do not speak English. Интересно полистать свежую прессу.

Ольга. Много знакомых слов?

Борис. Врага надо знать в лицо.

Ольга. Разве мы не союзники?

Борис. Вчера в баре встретил Ральфа. Руководит европейским бюро этой газеты. У него жена русская, работает здесь переводчиком.

Ольга. Татьяна, русская душой!

Борис. Ральф считает, что может в своей газете обругать любого сенатора или конгрессмена, и ему ничего не будет. «А вы, – говорит, – можете?» Я говорю: «У нас самокритика».

Ольга (*изображает Ральфа*): Самокритика? Критика сам себя? Русские, я вас не понять!..

Борис (*подыгрывает ей*): Кстати, если не секрет, где вы так изучили русский язык?

Ольга. В постели. Женись на американка. Попробуй!

Борис. Я уже женат.

Ольга. Это я женат. Твой жена в Москве? Мой жена при мне. Или я при ней!

Борис (*изображает жену Ральфа*): Ральф, дорогой!..

Ольга (*выходит из образа Ральфа*): Это кто?

Борис. Татьяна, его жена. Не похожа?

Ольга (*показывает Татьяну*): Она вот такая!..

Борис. Да?

Ольга. Да!

Борис (*изображает Татьяну*): Ральф, дорогой!..

Ольга (*изображает Ральфа*): Да, дорогая.

Борис (*изображает Татьяну*): Я немного скучаю! О чём ты на этот раз споришь с русским журналистом? Можно я угадаю? О демократии?

Ольга (*изображает Ральфа*): Только у нас свобода слова! Я могу быть на площадь у Белый дом... И могу кричать: «Президент Трумэн – идиот». А вы?

Борис (*от своего имени*): Я тоже могу выйти на Красную площадь и крикнуть, что президент Трумэн идиот.

Ольга (*изображает Ральфа*): А сказать такое о Сталине?

Пауза. Ольга уже никого не изображает.

Ольга. Иосиф Виссарионович Сталин – один из умнейших людей нашего времени. Отец народов! Вождь!

Борис. Когда Ральфа будет кричать о своём президенте, что он идиот? После дождика в четверг? Напечатает он в своей газете пару критических строк о своём боссе или, например, о сенаторе. И что потом? Свободен, как ветер?

Ольга. Я однажды спросила у Татьяны, не тянет ли её домой, она ведь русская. «Да, – говорит, – скучаю по Нью-Йорку». В Россию, домой, не тянет? Глаза у неё рязанские, есенинские... Сказала ей про её глаза, смотрю, чуть не плачет!.. Родители бежали от большевиков. Мама была беременна ею... Татьяна русская душой... Где теперь её Россия?.. Я не то хотела сказать! Не то хотела!..

Борис. Я не из тех, кто доносит.

Ольга. Но как коммунист вы...

Борис. Обязан? Обязан – что?.. (*Пауза.*) Недели три назад Ральф писал статью об американской военной администрации, о том, что здесь происходит. Он писал об этом для своей редакции. Я переслал его статью в Москву. Газета «Правда» перепечатала её. Решение об этом принимал не я. Ральф считает, что я подставил его. Советская пресса цитирует и комментирует его текст. Он подошёл ко мне, улыбнулся: «Тебе понравится, если я буду комментировать твои статьи? Я вам не какой-нибудь репортёр! Хочу напиться и забыть обо всём. Я свободен, могу писать, что хочу, а вот печататься... Я, как птица, бьюсь о стекло. Небо, поля, лес – вот они. Я взлетаю и падаю – кругом одни стены!.. Свобода слова! И что? Пишем между строк, смотрим куда угодно, но только не в глаза Александр Игнашов «Повесть о настоящем»

человеку. Что такое наш читатель? Мышление ребёнка, живёт ради себя самого. Мы обслуживаем его. Если в газете нет сенсации, нет газеты! Нацизм – это сенсация. Между Америкой и Европой океан. Между американцами и европейцами пропасть. А где-то там, за Европой вы, русские. Нас никто не интересуется, кроме нас самих! И ещё биржа, курс доллара, американский футбол... Мир невозможен без насилия! Фашизм, нацизм, антисемитизм, коммунизм! Знаешь, на что я надеялся в Нюрнберге? Дело не в приговоре. Стремление народов к миру! Всех народов! Гигантское стремление, неудержимое! Иначе человечество угробит само себя, и, если повезёт, начнёт всё заново – с клетки, с амёбы... Я всю войну просидел в редакции – там, за океаном, здесь, в Европе. Пару раз просил отправить меня на фронт, а потом понял, жизнь у меня одна. И жена у меня одна. А детей у меня нет. А я очень хочу детей!.. Когда пишу правду о Нюрнбергском процессе, меня не печатают! Пишу полный бред – печатают! Публике должно быть интересно!..»

Ольга. И вы не написали об этом?

Борис. Чтобы ещё раз подставить Ральфа?..

Перемена освещения. Шорох аудиозаписи. На экране – кинохроника, фотографии Германа Геринга.

Голос Геринга. Чёрт возьми, кто-нибудь!.. Вы всё ещё пишете звук? Это говорю я, рейхсмаршал Геринг!.. Фюрер! Фюрер! Фюрер! Он часами рассуждал о сифилисе! Не водил автомобиль, но знал все типы машин и презирал механиков. Пророков, гадалок отправлял в концлагеря, а сам был суеверен до судорог... Нас повесят. А я бы расстрелял! Что толку с генерала, если им командует ефрейтор с Первой Мировой!.. И ещё. Познакомьте меня с этим русским журналистом. Приведите его ко мне! Он говорит по-немецки? Передайте ему, что повесть о лётчике без ног – это повесть о настоящем человеке!..

Эпизод шестой.

Стучит печатная машинка. Комната Ольги. Вбегает радостный Борис, обнимает её, берёт на руки, кружится в танце.

Борис. Оля, Оленька!

Ольга. Ой, не надо!

Борис. Надо! Ещё как надо!

Ольга. Щекотно! Отпустите меня немедленно!

Борис. Ни за что!

Ольга. Я сказала – немедленно!

Борис опускает её на пол. Пауза.

Борис. Знаете, что это? Телеграмма!

Ольга. У меня синяки будут.

Борис. Редакция журнала «Октябрь» приняла нашу повесть! Будут печатать!

Ольга. Нашу повесть!..

Борис. Вы не рады?

Александр Игнашов «Повесть о настоящем»

Ольга. Значит, на вы? Значит, в Москву? Вы так смешно сказали – «нашу повесть»!..

Борис. Без вас я бы её не написал!

Ольга. Написал бы. Вы и написали. Девятнадцать вечеров.

Борис. И девятнадцать ночей, Оля!.. Неужели получилось? Разве я – писатель? Перед войной в журнале «Октябрь» меня уже печатали, но это так, случай. Я тогда статью писал для газеты, увлёкся, изменил имена героев, кое-что дописал и получился рассказ. Но сейчас, сейчас всё не так!..

Ольга. У меня чай готов, твой любимый. И сахар есть вприкуску. И чёрный хлеб, как ты любишь.

Борис. Люблю.

Ольга. Может, там, в Москве, встретишь своего героя. Надо запрос написать. Представляешь, если он жив!..

Борис. Я, когда рукопись в Москву отправил, не надеялся ни на что.

Ольга. Не ври.

Борис. Так, в глубине души...

Ольга. Совсем мальчишка!

Борис. Кто? Я?..

Ольга. А название?

Борис. У меня другого варианта нет. Как представлю себе редактора!..

Ольга. Ты диктовал, я кое-где свои слова вставляла, когда печатала, ты и не заметил. Вот и с редактором надо так же.

Борис. Не замечать правку?

Ольга. В позу не вставлять. У тебя бывает. Я чай наливаю?

Борис. Извини, не могу. На месте усидеть не могу! И верил, и не верил! «Повесть о настоящем человеке»! Повесть о настоящем!..

Ольга. Я должна была сообщить... И я сообщила, ты понимаешь.

Борис. Не понимаю. О чём ты сообщила?

Ольга. О Геринге. О том, что ты мне сказал.

Борис. О рейхсмаршале Геринге? Значит, вызовут куда надо.

Ольга. Почему ты Полевой? Псевдоним? Мне говорили, ты – Кампов.

Борис. В Люфтваффе тоже летал безногий лётчик.

Ольга. В переводе с латыни *campus* – поле. Значит, Полевой?.. Откуда Геринг узнал, что советский журналист пишет книгу о советском безногом лётчике?

Борис. Я бы кое о чём спросил рейхсмаршала. Говорят, он хотел встретиться со мной, так и сказал: «Пусть этот русский напишет о безногом лётчике повесть о настоящем человеке».

Ольга. Ты сам-то понимаешь, что говоришь? Какой Геринг? Какая повесть? Тебя же за это!..

Борис. Расстреляют? Посадят?.. Оля, дело не в этом!

Ольга. Ты не понимаешь!

Борис. Это ты не понимаешь, Оля!.. Я ещё в школе начал писать детские слабые заметки для школьной стенгазеты, подписывал их – Б. Овод. Имя моё, а фамилия героя романа Войнич. Овод! Это был для меня пример! В шестом классе когда учился, у нас в «Тверской правде» напечатали мою первую заметку, потом вторую, третью. Школьник Боря Кампов стал Борисом Полевым потому, что стеснялся этого, да и редактор в газете любил псевдонимы. А потом техникум промышленно-экономический, текстильная фабрика. Днём работал, вечерами писал. Потом областная комсомольская газета: очерки, Александр Игнашов «Повесть о настоящем»

фельетоны, статьи. У меня уже был издан сборник публицистики «Мемуары вшивого человека».

Ольга. Какого человека?

Борис. Вшивого, Оля!.. Редактор «Тверской правды» предложил мне под видом вора внедриться в одну банду. Страшно было, но обошлось. Написал я несколько статей. Многие чиновники тогда со своих мест слетели. Очерки мои в Италию Максиму Горькому послали. Ответил он жёстко. Я на всю жизнь запомнил – пишете без вымысла!.. Взялся за роман, не дописал, рукопись потерял. Потом повесть вышла в журнале «Октябрь» о стахановском движении. В партию вступил. А тут война. От своей родной Твери до Берлина и Праги в действующей армии корреспондентом газеты «Правда». На передовой был, летал на дальнем бомбардировщике на бомбёжку в Германию, под Сталинградом был, на Курской дуге, в партизанских отрядах, в Польше был, на Карпатах. В мае сорок пятого на «У-2» в центре Праги приземлился, сообщил повстанцам о наступлении наших танковых армий, передал в штаб фронта информацию об обстановке в городе, заметку в газету «Правда» писал на папиросной коробке... Теперь понимаешь, Оля? Только дурак ничего не боится. Я вроде как не дурак. Глупой смерти не хочу, а с остальным разберёмся. Так и напиши этим, своим. Или они сами за тебя пишут?.. Больно уж ты правильная. За родину, за Сталина! За отца с матерью, за братишек с сестрёнками, за жён и мужей, за детей, за знакомых и за тех, кого знать не знаешь, живём и, если надо, умираем... Да не смотри ты на меня так! Не смотри, ничего нового во мне нет!..

Ольга. Я вам четвертую часть перепечатала.

Борис. В Москву-то слетать дадут?

Ольга. Вы просили про то, как Алексей читает письмо, а я вам всё перепечатала.

Борис. Может, обойдётся. И не в таких передрыгах бывали.

Ольга передаёт Борису рукопись. Он просматривает один лист, другой. Она произносит текст повести так, словно говорит сама с собой.

Ольга. Алексей не пошёл в землянку, лёг под берёзой на влажный, пахнущий грибами мох и осторожно вынул из конверта листок Олиного письма. Фотография выскользнула из рук и упала на траву. Алексей схватил её. Сердце заколотилось резко и часто. С фотографии смотрело знакомое и вместе с тем до неузнаваемости новое лицо. Оля снялась в военном. Гимнастёрка, ремень португалии, орден Красной Звезды, даже гвардейский значок – всё это очень шло к ней. Она походила на худенького мальчика, одетого в офицерскую форму. Только у мальчика этого было усталое лицо, и глаза, большие, лучистые, смотрели с неюношеской пронизательностью. Алексей долго глядел в эти глаза. Нашёл в кармане прежнюю Олину фотографию, где она в пёстром платье, на цветущем лугу, в россыпи белых ромашек. И странно: девушка в гимнастёрке, с усталыми глазами, была ему ближе и дороже той, какую он знал. На обороте карточки было написано: «Не забывай».

Борис. Письмо было короткое.

Ольга. Короткое и жизнерадостное.

Борис. Не забывай!..

Ольга. Девушка командовала сапёрным взводом.

Борис. Только взвод её сейчас не воевал.

Ольга. Не воевал... Это ваша жена? Это она – Оля?..

Борис словно не слышит её, смотрит вдаль.

Александр Игнашов «Повесть о настоящем»

Занавес.

Игнашов Александр Викторович
443117, г. Самара, ул. Аэродромная, 91 – 16
Тел.: 8-927-209-02-53
E-mail: drama-ignashov@yandex.ru